

Янчевская Анжелика

**ПОПАДАНКА
В БЕРЕМЕННУЮ.
СЛУЧАЙНАЯ ЖЕНА
ДРАКОНА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Я66

Я66 **Янчевская А.**
Попаданка в беременную. Случайная жена дракона / Янчевская Анжелика –
М.: Литнет, 2025. – 192 с.

ISBN 978-5-521-94719-5

Я умерла и очнулась в другом мире, в теле юной служанки, прибывшей в замок могущественного Лорда, на свадьбу своей госпожи. Но в самый разгар церемонии древняя магия дает сбой. И вот я, безродная служанка, случайно становлюсь женой дракона вместо своей госпожи. Он меня презирает и ищет способ избавиться. А я пытаюсь выжить в чужом мире и скрыть главную тайну: та ночь, которую мы оба не помним, принесла не только позор, но и новую жизнь.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94719-5

© Литнет, 2025
© А. Янчевская, 2025

Голова раскалывается. Как будто кто-то всю ночь долбил по черепу кувалдой, а потом для верности еще и прокатился катком. Каждый удар пульса отдается в висках болью, от которой хочется выть. Я пытаюсь открыть глаза, но веки словно налиты свинцом.

Вчера я праздновала. Развод. Конец двадцатилетнего брака с придурком, который решил, что молоденькая инструкторша по фитнесу – это именно то, что нужно для его кризиса среднего возраста. «Марина, я просто больше не чувствую той искры», – сказал он, стоя в дверях с чемоданом. Искры, блять. Двадцать лет совместной жизни, и он ищет искру у двадцатилетней девушки с силиконовой грудью.

Целая бутылка французского коньяка тогда показалась отличной идеей. Дорогого. Того самого, на который мы копили деньги к годовщине свадьбы. Ирония судьбы – отпраздновать им развод.

– Ни хрена себе, как я вчера оторвалась, – хрипло выдыхаю я и замираю.

Это не мой голос. Мой – прокуренный, с хрипотцой от многих лет работы в офисе с кондиционером и бесконечных сигарет на балконе. А этот звенит, как серебряный колокольчик. Чистый, высокий, молодой.

Паника холодной волной ударяет в грудь, но я заставляю себя открыть глаза. Ресницы кажутся невероятно длинными и густыми – точно не мои. Комната утопает в густом полумраке, тяжелые бархатные шторы цвета старого вина плотно задернуты, не пропускающая ни лучика света. Воздух прохладный, пахнет странно – озоном после грозы, раскаленным металлом и чем-то еще... мужским. Терпким. Опасным. Сандал, кожа и что-то дикое, необузданное.

Я лежу на чём-то невероятно мягком. Шелковые простыни скользят по коже, как вода. Настоящий шёлк, дорогой, не дешёвка из магазина за углом. Матрас под спиной мягкий, как облако. Это точно не моя убогая кровать из Икеи со скрипучими пружинами.

Я осторожно поворачиваю голову и чуть не задыхаюсь.

Рядом со мной спит мужчина.

Огромный. Спит спиной ко мне, и даже во сне от него исходит какая-то первобытная мощь. Широкие плечи, под смуглой кожей перекачиваются рельефные мышцы. Длинные чёрные волосы рассыпались по белой подушке, создавая разительный контраст. Дышит ровно, глубоко, как крупный хищник в своём логове.

Каждый инстинкт самосохранения в моем теле включается на полную мощность. Этот мужчина опасен. Смертельно опасен. Это знание приходит не из памяти, а из какого-то древнего, животного страха.

Господи, что я наделала? С кем я переспала? Я же не из тех, кто подцепляет мужиков по пьяни!

Я медленно, стараясь не пошевелиться, сползаю с кровати. Ноги касаются ледяного каменного пола, отполированного до зеркального блеска, а затем утопают в мягком ворсе какой-то шкуры. Пол каменный? В какой гостинице каменные полы?

На полу разбросана одежда. Его – темные брюки из дорогой ткани, белая рубашка из тонкого шелка. И мое... нет, не мое. Грубое серое платье из жесткого льна, явно униформа прислуги. Мои джинсы и кашемировый свитер исчезли.

Я хватаю это убожество и натягиваю на себя. Ткань царапает кожу, завязки путаются в пальцах. И тут я замечаю свои руки.

– Что за...

Это не мои руки. Длинные изящные пальцы, нежная кожа. Мои руки знали, что такое прополка грядок на даче, бесконечные стопки документов, мытьё посуды. На безымянном пальце даже нет бледной полоски от обручального кольца.

Я запускаю пальцы в волосы и чуть не падаю. Вместо привычного каре до плеч струится тяжелая золотисто-пшеничная волна, достигающая до самой поясицы. Шелковистая, густая, совершенно чужая.

– Что за дерьмо происходит? – шепчу я тем же чужим голосом.

Это не мое тело. Это не моя комната. Это все не мое.

Мужчина на кровати шевелится. Мышцы на его спине напрягаются, он поворачивается и садится. Резко, как пружина, без перехода от сна к бодрствованию. Потирает виски – видимо, у него тоже болит голова.

Я прячусь в тени массивного резного шкафа, надеясь, что он меня не заметит. Но его взгляд, неторопливый и цепкий, обводит комнату. И останавливается на мне.

Янтарные глаза. Цвета старого мёда на солнце. Рассматривают меня холодно, оценивающе. Так смотрят на вещь. На предмет. На досадную помеху.

– Кто такая? – голос низкий, властный, рокошующий. Он спрашивает не из любопытства. Он требует ответа.

Я открываю рот, но не знаю, что сказать. Правду? «Привет, меня зовут Марина, мне сорок пять лет, и, кажется, я умерла от алкогольного отравления и попала в тело вашей подружки»? Меня тут же отправят в психиатрическую лечебницу.

– Я... – начинаю я, но он перебивает меня.

– Что ты делаешь в моих покоях? – его взгляд скользит по моему серому платью, и я вижу, как он меня классифицирует. Служанка. Никто. Пыль под ногами.

– Ничего! – я отступаю к двери, но он встаёт с кровати, и я замираю.

Он полностью обнажён. Огромный, мускулистый, каждая линия его тела говорит о силе и власти. Шрам через левое плечо, ещё один на рёбрах. Татуировка на предплечье – какие-то сложные узоры. Он не стесняется своей наготы, наоборот – использует её как оружие.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, – приказывает он.

Я поднимаю взгляд на его лицо. Красив, как смертный грех. Резкие скулы, прямой нос, волевой подбородок с упрямой ямочкой. Губы чувственные, но сейчас сжаты в тонкую линию. Даже обнажённый, он излучает власть и высокомерие.

– Как тебя зовут? – продолжает допрос.

– Мар... – я запинаюсь. Марина? Или у этого тела другое имя?.

Он поворачивается к шкафу, достаёт тёмные брюки и неторопливо их надевает. Каждое его движение выверено, в нём нет ни капли спешки или смущения. Он полностью владеет ситуацией.

– Кто позволил тебе входить в мои покои, пока я сплю? – говорит он, натягивая рубашку. – Уборка начинается после того, как я проснусь, а не во время сна.

Уборка? А, он думает, что я пришла убираться!

– Я... прошу прощения, господин, – лепечу я, пытаюсь сыграть роль служанки. – Я не знала, что вы ещё спите.

– Запомни: в мои покои входят только по приказу и только в определённое время. Уборка – после завтрака, когда я ухожу по делам.

– Да, господин, – шепчу я.

– И ещё, – его голос становится тише, но от этого не менее угрожающим. – Если ты снова появишься здесь не вовремя, я прикажу выпороть тебя за нарушение порядка. А потом выгоню без жалованья. Понятно?

Я киваю, не доверяя своему голосу.

– Пошла вон, – бросает он.

Я не заставляю себя повторять дважды. Я срываюсь с места и бегу к двери. Рука дрожит, когда я хватаюсь за тяжелую бронзовую ручку.

– И передай своей старшей, – останавливает меня его голос. – Пусть лучше следит за своими девками. Или я найду себе новую экономку.

Я хлопаю дверь и бегу по длинному коридору. Каменные стены, гобелены, доспехи на подставках. Это действительно замок. Средневековый, настоящий замок.

Только когда коридор остаётся позади, я позволяю себе остановиться и перевести дух. Я прислоняюсь к холодной каменной стене, сердце бешено колотится.

Что за чертовщина происходит? Где я? Кто я теперь? И главное – как мне выбраться из этого кошмара?

Я неслась по коридору, не разбирая дороги. Паника, холодная и липкая, подгоняла меня, заставляя сердце колотиться в бешеном ритме. Босые ноги шлепали по ледяным каменным плитам, и каждый шлепок отдавался в гулкой тишине замка. Коридор казался бесконечным. По обеим сторонам – гобелены с изображением каких-то батальных сцен, где драконы сжигали целые армии, и застывшие в нишах статуи суровых воинов, которые, казалось, провожали меня осуждающими взглядами. Тусклый свет факелов в бронзовых держателях отбрасывал на стены пляшущие, уродливые тени, превращая мое бегство в какой-то сюрреалистический кошмар.

В голове царил хаос. Сорокапятилетняя Марина Волкова, бухгалтер с двадцатилетним стажем, в теле юной девушки, в каком-то средневековом замке, только что выскочившая из постели какого-то знатного мужчины. Звучит как завязка дешевого любовного романа, которые я иногда читала, чтобы отвлечься от серой реальности. Вот только теперь эта дикая фантазия стала моей реальностью. И она была совсем не романтической, а до дрожи пугающей.

Я завернула за угол, надеясь найти лестницу, ведущую к выходу, к спасению. Но вместо этого уперлась в развилку – два одинаковых коридора уходили в разные стороны. Ловушка. Лабиринт.

Я остановилась, тяжело дыша, пытаюсь унять дрожь в коленях. Нужно было успокоиться. Взять себя в руки. Мой жизненный опыт, моя единственная опора в этом безумном мире, кричал, что паника – худший советчик. Нужно было найти укромное место, затаиться, подумать. Собрать информацию. Но где?

В этот момент из-за поворота, откуда я только что прибежала, донеслись быстрые, торопливые шаги. Не тяжелая, размеренная поступь хозяина замка, а легкая, семенящая. Кто-то бежал за мной.

Сердце рухнуло в пятки. Все, попалась. Сейчас меня схватят, при-

тащат обратно к этому холодному мужчине, и он уж точно не ограничится приказом «вон».

Я метнулась к тяжелой портюре, закрывавшей оконную нишу, и замерла за ней, превратившись в слух. Шаги приближались.

– Мэри! Слава Богам, я тебя нашла!

Меня резко схватили за руку и выдернули из укрытия. Я вскрикнула от неожиданности. Передо мной стояла совсем юная девушка, лет восемнадцати на вид, в точно таком же, как у меня, сером платье служанки. Ее можно было бы назвать миловидной, если бы не вечный испуг в огромных голубых глазах. Круглое, щедро усыпанное веснушками лицо сейчас было красным от бега, а светло-русая косичка растрепалась и смешно торчала в сторону.

– Ты где пропадала всю ночь? – затараторила она, не давая мне и слова вставить. Ее хватка на моем запястье была на удивление крепкой. – Госпожа рвет и мечет! Мы уже думали, ты сбежала! Я сказала, что у тебя живот прихватил. Нам срочно нужно ее к свадьбе готовить, иначе нас обеих выпорют и вышвырнут без жалования! Ты хоть понимаешь, что сегодня за день?

Она говорила быстро, сбивчиво, и каждое ее слово било по мне, как удар молота, вбивая гвозди в крышку гроба моей прошлой жизни. Мэри. Меня зовут Мэри. Я – служанка. Моя госпожа сегодня выходит замуж. У меня есть работа, невыполнение которой грозит поркой. Поркой!

– Я... я заблудилась, – выдавила я первое, что пришло в голову. Голос все еще был чужим, но сейчас это была наименьшая из моих проблем.

– Заблудилась? – девушка, кажется, ее звали Анита, если верить внезапно всплывшей в голове подсказке, недоверчиво хмыкнула. – Всю ночь плутала? Ну ты даешь, Мэри. Ладно, потом расскажешь.

Вдруг ее взгляд метнулся вниз, к моим ногам. Глаза девушки расширились от ужаса.

– Ты что, босая?! – прошипела она. – Мэри, ты с ума сошла? Если леди Агнес увидит...

Она не договорила, но по ее лицу было ясно, что наказание за такую оплошность будет страшным. Она огляделась по сторонам, словно ища шпионов, и с новой силой потащила меня в противоположную от нашего первоначального курса сторону, к неприметной маленькой двери в стене.

– Быстро! У нас в комнате есть запасные туфли. Всего минута!

Она толкнула меня в узкий, темный коридор для прислуги. Здесь не было ни гобеленов, ни статуй – только голые каменные стены и редкие, коптящие факелы. Мы пробежали несколько метров и нырнули в крошечную каморку. В ней едва помещались две узкие койки и небольшой сундук. Пахло сеном и мышами. Комната прислуги. Моя новая реальность.

Анита, не теряя ни секунды, бросилась к сундуку, подняла крышку и начала лихорадочно в нем рыться.

– Вот! – она извлекла на свет пару простых кожаных туфель без каблука, похожих на балетки. – Обувайся скорее! И чтобы я больше такого не видела!

Я молча села на край жесткой койки и быстро натянула туфли. Они были чуть тесноваты, но сейчас это было неважно. Пока я обувалась, Анита продолжала причитать, поправляя свой чепец.

– Бежим скорее! Главная камеристка, леди Элора обещала с нас обеих шкуру спустить, если мы через минуту не будем в покоех!

Она не стала дожидаться моего ответа, а просто потащила меня за собой по одному из коридоров. Я спотыкалась, едва поспевая за ней. Пазл в моей голове начинал складываться в уродливую, пугающую картину. Я, оказалась в теле молодой служанки Мэри, в чужом мире, где порка – обычное дело. И, судя по всему,

эта самая Мэри была не самой ответственной особой, раз умудрилась «пропадать всю ночь» перед таким важным событием. А расхлебывать все это придется мне.

Я позволила этой Аните тащить себя. Сейчас это был единственный способ не выделяться, слиться с обстановкой и получить жизненно важную информацию. Выжить. Это слово стало моим главным приоритетом.

– Ты хоть помнишь, что делать? – спросила Анна на бегу, бросив на меня встревоженный взгляд. – Платье готово, его нужно только отпарить. Потом принесут украшения из сокровищницы. Главное, не путайся под ногами у леди Агнес, она и так на взводе.

Я молча кивнула, стараясь запомнить каждое слово. Леди Элора. Леди Агнес. Анита. Мэри. Новые имена, новые лица, новые правила игры.

Мы добежали до массивной двустворчатой двери из светлого дерева, украшенной искусной резьбой. Анна, не сбавляя скорости, толкнула одну из створок, и мы влетели внутрь.

И я попала в эпицентр урагана.

Комната была огромной, залитой ярким утренним светом, который пробивался сквозь высокие стрельчатые окна. В центре, перед огромным зеркалом в позолоченной раме, сидела молодая женщина невероятной красоты. Она была прекрасна холодной, отточенной красотой статуи. Идеальная осанка, тонкие черты бледного лица, копна иссиня-черных волос, которые сейчас две девушки укладывали в сложную прическу. Ее темно-синее шелковое платье подчеркивало хрупкость фигуры.

Но сейчас ее лицо, было искажено гримасой гнева. Это, очевидно, и была леди Агнес, моя госпожа. Вокруг нее, словно пчелы вокруг матки, сустились еще несколько женщин в форменных платьях. Но одна из них, пожилая и строгая, с туго стянутыми в пучок седыми волосами, явно была здесь главной. Это, судя по всему, и была леди Элора, главная камеристка. Воздух звенел от напряжения.